

«В 23 года отца приговорили к смерти»

СУДЬБЫ

15 ЛЕТ НАЗАД, 17 декабря 1987 года, не стало Аркадия Райкина. Об отце вспоминает его дочь, актриса Театра им. Вахтангова Екатерина РАЙКИНА.

- МНЕ шел четвертый год, когда началась война. Родителям надо было ехать с выступлениями на фронт, они не могли тащить меня за собой, а бабушка с дедушкой остались в блокадном Ленинграде. В гостинице к маме подошла совершенно незнакомая тетка, сказала, что у нее есть дом в Ташкенте и она может обо мне позаботиться. И мама отдала меня этой жуткой женщине... Родители присылали ей консервы, крупу, сахар, но мне ничего не доставалось. Скотину лучше кормили. Голодную, обессиленную, всю в экземе и с дизентерией - такой увидела меня бабушка, когда через год сама вырвалась из блокады. Если бы она еще на месяц задержалась, я бы, наверное, недотянула... Много лет спустя тетя передала мне слова мамы: "Дочка у меня могла быть еще, а Аркадия я бы потеряла". Я не обиделась на маму, поскольку понимала, что значил для нее отец.

В 13 лет папа перенес тяжелый ревматизм с осложнением на сердце, а в 23 года после очередного сердечного приступа врачи приговорили его к смерти, отказываясь делать операцию. "Почему вы заживо хороните молодого человека?! Используйте хоть полшанса!" - возмущался мой дедушка и думался-таки операции. Спустя много лет папа встретил на Невском проспекте одного из профессоров, ставивших на нем крест, представился... "Вы

живы?" - удивился тот и как будто даже расстроился, что его прогноз не сбывлся и пациент до сих пор жив.

Периодически папа ложился на лечение в больницу, но как только после капельницы ему становилось легче, он тут же удирает оттуда, иногда прямо в пижаме. Звонил водителю или друзьям, шел гулять в больничный парк и потихоньку сбегал.

Я помню, у него случился очередной приступ, а он должен был выступать на юбилее в Театре Вахтангова. Едет он на "скорой" и просит доктора: "А вы не могли бы проехать по Арбату? (Арбат тогда был еще проезжей улицей.) Мне нужно в Театре Вахтангова выступить, всего 15 минут, а потом поедом в больницу". "Аркадий Исаакович, но вы не

"Отцу открыто угрожали на самом высоком уровне".

можете!" - уговаривал врач, но, понимая, что это бесполезно, заставил папу написать расписку, чтобы не брать на себя ответственность. Папа написал, выступил, а потом опять лег на носилки...

Когда он выходил на сцену в последнее время, ему трудно было говорить - все мышцы были скованы. Его всегда живое лицо с яркой мимикой пре-

вратилось в маску, глаза оставались. Даже зрители писали: "Аркадий Исаакович, мы вас так любим, но не надо больше выходить на сцену, без слез на это смотреть невозможно". Если бы я показала ему эти письма, он завтра бы слег и умер. Сцена его всегда возрождала.

Сплетни

РАЙКИНЫ всегда были долгожителями: мой прадедушка в 90 лет еще на столе танцевал, папиным сестрам сейчас 86 и 89 лет. Мне кажется, и папа мог прожить гораздо дольше, если бы не жанр, в котором он работал. И безответственно говорить, что у Райкина была счастливая, безоблачная жизнь. Так считают те, кто не знает, каких нервов, какой дипломатичности стоил ему выпуск каждой программы! Ему же открыто угрожали на очень высоком уровне. А сколько пускали всевозможных сплетен, чтобы снизить его невероятный авторитет у народа! Однажды папин родственник услышал на лекции в Москве о том, что отец... отправил в Израиль гроб с останками своей матери и вложил туда золотые вещи. Папа в разгар скандала слег в больницу, а все решили, что он уже сидит в тюрьме.

Большинство ленинградских начальников боялись его и мешали как могли. Както в "Ленинградской правде" написали, что "Райкин всегда актуален". Тут же приехал в редакцию чиновник из Ленинградского обкома Захаров и потребовал, чтобы в газете забыли фамилию Райкина, поскольку он "нанес ущерб идеологической работе в Ленинграде, и его надо гнать отсюда".

Очень показательна история переезда папы в Москву. Еще со времен войны у него сложились добрые отношения с Брежневым, но он всегда чувствовал дистанцию и не пытался напомнить о себе. В

начале 60-х годов, когда Брежнев был еще председателем Президиума Верховного Совета, они встретились на приеме после концерта.

- Ну, как твои дела? Слышал, ты до сих пор живешь в гостинице. Тебе нужна квартира в Москве? - спросил Брежнев.

- Было бы неплохо...

Прошло пять лет, они снова встретились, вспоминали войну, а напоследок Брежнев сказал, что распоряжение о квартире уже дано. Но опять все замерло...

Почему не пустили дочь?

В КОНЦЕ ноября 1987 года папа, я и Костя приехали из Америки, где у папы прошло 24 концерта. Зрители приносили ему программки и билеты со старых спектаклей и просили оставить автограф. К сожалению, у папы тогда правая рука уже почти не работала, поэтому мы запирались с ним в гримерке, и я расписывалась за него. Пусть люди на меня за это не обижаются, я хотела как лучше.

Вернувшись, он сыграл еще 14 спектаклей "Мир дому твоему" (последний был 300-м по счету), а после этого попал в больницу. Совершенно случайно. Раз в десять дней ему надо было принимать лекарство, выводящее воду из организма, а он забыл, что уже вы-

пил его, и на завтра принял снова, тем самым очень ослабив сердце. Приехала "скорая" и тут же забрала его в больницу. Оттуда он уже не вышел.

15 декабря 1987 года я была у него в больнице, и мы даже гуляли с ним по парку. Он шел молча, а я рассказывала ему о семейных новостях, о том, что темы, которые он раньше поднимал на своих спектаклях и которые тогда были опасными, сейчас открыто обсуждаются в газетах. Помню, вернувшись в палату, он сказал мне: "Для меня очень важно подумать о том, с чем я завтра выйду на сцену. Надо решить, о чем говорить зрителю, когда все позволено".

Когда Котенька (Константин Райкин. - Ред.) пришел в больницу на следующий день, врач сказал, что папу только что увезли в реанимацию. Сколько я просила, умоляла врачей пустить меня к папе, чтобы посидеть с ним рядом, поухаживать, - тщетно, "не положено!"

Самое ужасное, что я не простилась с папой. Я не могла оставить маму одну. Она была после ин-

сульта, уже 15 лет не говорила, очень тяжело болела, и мы решили не рассказывать ей о случившемся. Я, как клоун, отвлекала ее, шутила, что-то рассказывала, но, мне кажется, мама все равно чувствовала неладное, часто начинала плакать... Сказали мы ей только через несколько дней после похорон. Я попросила сделать это друзей родителей - Владимира Львовича Кассиля и его жену Верочку, они оба врачи. Владимир спас маму в 1975 году, когда у нее случился страшный инсульт, и подарил еще 15 лет жизни. После смерти папы она прожила два года.

Записала
Татьяна БОГДАНОВА